

ПУТЬ, КОТОРЫЙ СТОИТ ПРОЙТИ

ДОМАШЕНКО ДАРЬЯ

Дарья Домашенко

Путь, который стоит пройти.

«Автор»

2026

Домашенко Д.

Путь, который стоит пройти. / Д. Домашенко — «Автор», 2026

Катрин хотела просто помогать людям — и ради этого прошла сквозь сомнения, влюблённость, ссоры с близкими, тяжёлые ночи над учебниками и страх не справиться. Её диплом стал не просто работой, а настоящим инструментом добра: алгоритмом, который помогает пациентам меньше бояться. Но главное, что она поняла на этом пути: быть сильной — не значит не бояться. Это значит делать своё дело, даже когда страшно, и знать, что дома тебя ждут, верят и тихо, по-своему, берегут. История о взрослении, сестринском призвании и о том, как любовь и поддержка близких помогают не свернуть с дороги.

© Домашенко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дарья Домашенко

Путь, который стоит пройти.

Глава

Глава 1. Первые шаги навстречу брату

Много лет назад в небольшом посёлке родилась девочка по имени Катрин. Семья была небогатой: родители работали на птицефабрике, платили там немного. Но, несмотря на стеснённые обстоятельства, они в меру сил старались дать дочери всё самое лучшее.

Катрин была светловолосой девочкой с большими ясными голубыми глазами. В её мягких, почти кукольных чертах таилась особая трогательность — так что уже в шесть лет она невольно притягивала взгляды прохожих. А в самом взгляде читались одновременно детская непосредственность и тихая серьёзность, будто она стремилась поскорее понять большой мир.

Долгое время Катрин мечтала о младшей сестрёнке или братике: ей хотелось, чтобы рядом был кто-то, с кем можно шептать секреты, вместе играть и делить маленькие радости. И вот однажды родители позвали её на разговор и сказали, что скоро у неё появится младший брат.

Она ждала его появления с нетерпением. Каждый раз, когда мама возвращалась с работы, Катрин тут же бежала к ней и нежно гладила её живот. Без умолку рассказывала, что было в детском саду: про смешные проделки друзей, про загадочные сны, приснившиеся прошлой ночью, — словно хотела, чтобы брат уже сейчас знал, какой бывает её жизнь.

Дни тянулись долго, но для Катрин они были наполнены особенным ожиданием. Она то и дело заглядывала в шкаф, где мама потихоньку складывала крошечные вещишки: мягкие распашонки, крохотные носочки, пелёнки с голубыми узорами. Катрин осторожно трогала ткань кончиками пальцев и шептала: «Это для моего братика... Он будет такой маленький!»

Однажды вечером папа принёс домой деревянную колыбельку. Он долго и старательно её собирал, а Катрин сидела рядышком на табуретке, подавала винтики и болтики и изо всех сил старалась не мешать, хотя так и хотелось всё потрогать.

— А он сразу будет меня слышать? — тихо спросила она у папы, когда колыбелька наконец встала у окна.

— Конечно, — улыбнулся папа, вытирая руки тряпкой. — И скоро ты сможешь ему сказки рассказывать.

Катрин тут же решила, что первой будет история про смелого зайчика, который не боялся ни волка, ни темноты. Она даже тихонько прорепетировала её перед зеркалом, стараясь говорить не слишком быстро, чтобы братик всё понял.

А потом настал тот самый день. Мама уехала в больницу, и Катрин осталась с папой. Весь день она то и дело выглядывала в окно, будто надеялась увидеть, как они возвращаются. Папа старался её отвлечь: они вместе пекли печенье, лепили из пластилина кораблики, смотрели старый добрый мультфильм. Но Катрин всё равно то и дело вздыхала и спрашивала:

— Пап, а ты уверен, что всё хорошо?

— Уверен, — спокойно отвечал папа и гладил её по светлым волосам. — Мама с малышом скоро будут дома.

И правда — через два долгих дня дверь наконец открылась. Мама вошла — немного уставшая, но счастливая. На руках у неё был свёрток, в котором едва угадывались крошечные ручки и носик. Катрин замерла на пороге, боясь пошевелиться: будто от любого резкого движения это чудо могло исчезнуть.

— Ну что, хочешь познакомиться со своим братом? — тихо спросила мама.

Катрин медленно подошла, наклонилась и впервые заглянула в маленькое, сморщенное личико. Брат приоткрыл глазки, будто тоже пытался её разглядеть. И тогда Катрин улыбнулась — так широко и искренне, как улыбаются только в самые счастливые моменты.

— Привет, малыш, — прошептала она. — Я твоя сестра. Я буду тебя защищать.

Глава 2. Тёплые ладошки и тихий шёпот

Первые дни с малышом в доме были совсем не такими, как представляла себе Катрин. Она думала, что брат сразу станет её лучшим другом, что они будут вместе бегать по двору, собирать одуванчики и придумывать игры. Но малыш только спал, ел и иногда плакал тоненьким, будто птичьим, голоском.

Катрин стояла у кровати и смотрела, как он сжимает крошечный кулачок, и чувствовала себя немного растерянной.

— Он такой маленький, — шептала она, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то ещё. — А я ведь обещала его защищать... А вдруг я что-то сделаю не так?

Мама, хоть и уставала, всегда находила для неё доброе слово.

— Ты уже его защищаешь, — говорила она, поглаживая Катрин по волосам. — Ты так бережно на него смотришь, так ждёшь, когда он проснётся. Для него это самое важное.

Папа тоже старался вовлекать Катрин: давал ей подержать чистую пелёнку, просил тихонько позвать брата по имени, когда тот просыпался.

— Слышишь, Луи? Это твоя сестра зовёт. У неё голос как солнышко — тёплый и светлый.

И Катрин потихоньку начала находить свои маленькие способы быть рядом. Она научилась сидеть очень тихо, чтобы не разбудить Луи, и, когда он всё-таки открывал глаза, шептала ему истории про зайчика — ту самую, которую приготовила ещё до его рождения. Голос у неё становился совсем другим — мягким, тягучим, будто она боялась спугнуть это хрупкое доверие.

Однажды Луи особенно долго не мог успокоиться. Он морщил личико, сжимал кулачки, и даже мамины покачивания не помогали. Катрин смотрела на это и чувствовала, как внутри всё сжимается от беспомощности.

— Я тоже хочу ему помочь! — чуть не плача, сказала она папе.

Папа присел перед ней на корточки и спокойно, серьёзно, как со взрослой, объяснил:

— Иногда самое лучшее, что мы можем сделать, — просто быть рядом. Подержи его ручку. Тихонько скажи что-нибудь. Ему важно слышать, что ты тут.

Катрин осторожно коснулась крошечной ладошки брата. Та тут же обхватила её палец — крепко, неожиданно сильно. Девочка замерла, а потом улыбнулась.

— Всё хорошо, Луи, — прошептала она. — Я тут. Я тебя не оставлю.

И будто в ответ на эти слова малыш перестал плакать. Он не засмеялся, конечно, и не улыбнулся — он был ещё слишком мал для этого. Но его личико разгладилось, дыхание стало ровным, и он снова уснул, всё ещё держа Катрин за палец.

В тот вечер, когда родители уложили детей, мама тихо сказала папе:

— Знаешь, мне кажется, у нас растёт настоящая маленькая хранительница.

А Катрин, засыпая, думала о том, что защищать — это не обязательно быть сильной и громкой. Иногда достаточно просто сидеть рядом, держать за руку и шептать: «Я тут».

Глава 3. Тень ревности

Дни складывались в недели, и дом будто стал другим. Раньше Катрин бежала к маме сразу, как только та возвращалась с птицефабрики, — рассказать про день, показать рисунок, просто уткнуться в тёплый бок. Теперь мама входила, и всё её внимание тут же устремлялось к Луи: проверить пелёнку, поправить одеяльце, тихонько пропеть ему колыбельную.

Катрин застывала в дверях, сжимая в руке тот самый рисунок — зайчика, которого она старательно раскрашивала в детском саду. Она хотела сказать: «Смотри, я старалась!», но слова застревали в горле, потому что мама, не поднимая глаз, шептала:

— Сейчас, солнышко... Сейчас я только Луи поправлю, и мы всё посмотрим.

Но «сейчас» растягивалось. Луи просыпался, плакал, требовал бутылочку, снова засыпал, и каждый раз Катрин чувствовала, как внутри что-то тихо сжимается. Ей казалось, что она становится невидимой.

Однажды вечером, когда Луи никак не хотел засыпать, а мама ходила с ним по комнате, папа попытался позвать Катрин:

— Иди сюда, Расскажи нам какую-нибудь историю. Луи любит твой голос.

— Он не меня слушает! — вдруг выпалила Катрин и, не дожидаясь ответа, убежала в свою комнату.

Там она села на кровать, прижала к себе старого плюшевого зайца и почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Ей было стыдно за свои слова, но ещё больше — обидно. Она ведь так старалась быть хорошей сестрой: сидела тихо, когда Луи спал, рассказывала ему сказки, держала его за крошечную ручку. А теперь казалось, что этого никто не замечает.

Папа постучал в дверь и вошёл — не спеша, будто боялся спугнуть её обиду. Он сел рядом, не стал сразу гладить или утешать — просто посидел, давая ей время выдохнуть.

— Знаешь, — тихо сказал он, — когда появляется малыш, всё меняется. И это нормально, что тебе сейчас немножко горько. Ты ведь привыкла, что мы с мамой смотрим только на тебя, а теперь нас будто стало меньше. Но это неправда. Нас не стало меньше — просто теперь у нас есть место и для Луи, и для тебя. Ты для нас такая же важная, слышишь?

Катрин кивнула, не поднимая глаз.

— А знаешь, что Луи сегодня делал? — продолжил папа чуть веселее. — Когда ты ушла, он вдруг перестал плакать. Лежал, слушал, как я тебе вслед смотрел, и будто понял: что-то не так. И знаешь, мне кажется, он тоже по тебе скучает. Ему ведь не сказки нужны, ему нужно, чтобы ты была рядом.

Катрин наконец подняла глаза.

— Правда?

— Правда, — улыбнулся папа. — Давай вернёмся? Ты можешь просто посидеть с нами. Не обязательно качать или петь. Просто быть тут.

Она медленно встала, взяла зайца и пошла следом за папой. В комнате было уже темно, только тусклый свет ночника ложился на кровать. Луи лежал, слегка хмуря крошечные бровки, будто и правда ждал чего-то.

Катрин подошла, осторожно присела на край кровати и тихо прошептала:

— Прости, что я убежала. Я тут. Хочешь, я тебе про зайчика расскажу? Или просто посижу...

Луи будто услышал. Его личико чуть разгладилось, он зевнул, смешно приоткрыв ротик, и снова закрыл глаза.

Мама села рядом, обняла Катрин за плечи и тихо сказала:

— Спасибо, что вернулась. Ты ему очень нужна. И мне нужна. И папе. Мы все вместе.

И Катрин вдруг поняла: быть старшей сестрой — это не только про «я буду тебя защищать». Это ещё и про то, что иногда тебе тоже нужна защита, нужно, чтобы кто-то сказал: «Ты не исчезла. Ты всё так же важна».

Глава 4. Ветер в волосах и крошечные ручки

Первый класс ворвался в жизнь Катрин, как свежий ветер: новые буквы, шуршание тетрадей, строгий, но добрый голос учительницы и эти особенные минуты, когда она наконец складывала слоги в слова и чувствовала себя чуть-чуть взрослее.

А дома всё оставалось попрежнему: Луи был ещё совсем крохой — он только учился держать голову, смешно морщил нос, когда в комнату врывался сквозняк, и подолгу смотрел на висящую над кроватью погремушку, будто пытался разгадать её тайну. Родители попрежнему крутились между работой, домом и малышом, и Катрин старалась быть незаметной помощницей: приносила маме чашку тёплой воды, тихонько убирала игрушки, чтобы не гремели, когда Луи засыпал.

Однажды, возвращаясь из школы, Катрин шла по пыльной дороге и смотрела, как соседские мальчишки гоняют на велосипедах — кружат, смеются, резко тормозят, поднимая облачка пыли. Ей вдруг так сильно захотелось тоже мчаться вперёд, чтобы ветер трепал волосы, а мир мелькал цветными пятнами.

— Мам, а можно... — начала она вечером, но тут же осеклась: мама сидела на диване, укачивая Луи, и глаза у неё были такие усталые, что Катрин не решилась договорить.

Но папа всё заметил. Он умел видеть то, что оставалось недосказанным.

— Ты про велосипед? — тихо спросил он, подходя и кладя руку ей на плечо. — Видела, как ребята катаются?

Катрин кивнула, пряча взгляд.

— Знаешь, мы с мамой долго думали, — сказал папа, — и решили: ты уже большая, ты в первом классе, а значит, тебе нужен свой путь. Не только пешком.

На следующее утро, когда Катрин вышла во двор, у забора стоял он — не новый, не блестящий, но её собственный: с чуть потёртой рамой, корзинкой спереди и звонким серебристым звонком. Папа сам его привёз из соседней деревни, сам подкрутил гайки, сам проверил тормоза.

— Держи, — улыбнулся он. — Только сначала учиться будем. Без спешки.

И они учились. Катрин сжимала руль так крепко, что побелели пальцы, а папа шёл рядом, придерживая седло, и спокойно говорил:

— Смотри вперёд, не на колёса. Дыши. Ты можешь.

Луи в это время лежал в коляске, которую мама выкатила во двор. Он ещё не понимал, что происходит, но внимательно следил за всем этим движением: за тем, как Катрин покачивается, как папа тихо подбадривает, как солнце ложится золотыми пятнами на асфальт.

В какойто момент Катрин вдруг перестала падать. Велосипед сам понёс её вперёд, ровно и уверенно, и она засмеялась — громко, счастливо, так, что даже Луи на секунду замер, будто прислушиваясь к этому звуку.

Папа отпустил седло и шёл теперь просто рядом, улыбаясь. А мама, наклонившись к Луи, прошептала:

— Слышишь? Это твоя сестра. Она летит.

Вечером, когда велосипед стоял у крыльца, а Катрин уже лежала в кровати, мама присела рядом и тихо сказала:

— Прости, что в последнее время у нас не хватало слов на всё, что тебе важно. Но я видела, как ты старалась быть хорошей, как не мешала, как помогала. И мы с папой очень это ценим. Ты и для Луи опора, и для нас — наша большая девочка.

Катрин прижалась к маминому плечу, чувствуя, как усталость дня растворяется в тепле.

— А завтра я снова поеду, — сонно пробормотала она. — И покажу Луи, как это — когда ветер в волосах.

Мама погладила её по волосам и улыбнулась:

— Покажешь. Он будет смотреть и учиться у тебя всему самому главному.

Глава 5. Когда тебя будто становится меньше

Катрин крутила педали, и ветер трепал её волосы, но радости не было. Велосипед, который ещё недавно казался чудом, теперь был просто способом уехать подальше от дома, где всё крутилось вокруг Луи.

Она ехала по знакомой дороге, считала выбоины на асфальте и думала: «Раньше, если я приходила из школы, мама сразу спрашивала: Как день? Что нового? А теперь она только кивает и говорит: Сейчас, солнышко, Луи не спит...»

Сегодня Катрин принесла из школы рисунок. На нём она старательно выводила буквы: «Я люблю маму и папу». Учительница похвалила: «Красиво, Катрин, ты стараешься!» И ей так хотелось, чтобы эту похвалу услышали дома.

Но когда она вошла, мама стояла у кровати и тихо шикала: Луи никак не мог успокоиться. Папа сидел на табуретке, качал ногой и смотрел в одну точку, будто пытался собрать силы, чтобы ещё что-то сделать.

— Мам, смотри! — тихо сказала Катрин, протягивая листок. — Меня похвалили. Я старалась...

Мама мельком взглянула, улыбнулась усталой, торопливой улыбкой:

— Молодец, доченька. Очень красиво. Сейчас только Луи уложу, и мы про всё поговорим, ладно?

«Сейчас» снова растянулось. Катрин постояла ещё немного, чувствуя, как гордость за рисунок тает, будто сахар в горячей воде. Она положила листок на стол, села на край кровати и стала смотреть, как Луи морщит лицо и сжимает кулачки. Ей хотелось кричать: «А я тоже тут! Я тоже что-то сделала!» — но вместо этого она просто сидела и молчала.

Папа заметил. Он всегда замечал то, что не говорили вслух. Подошёл, сел рядом, взял её руку в свою — ладонь у него была шершавая, тёплая, пахла деревом и машинным маслом.

— Ты знаешь, — тихо сказал он, — когда в доме появляется малыш, кажется, что любви должно стать меньше. Будто её поделили на двоих, и тебе досталось чуть-чуть. Но это неправда. Любовь не делят, как пирог. Её не становится меньше, когда её отдают. Просто она теперь течёт в две стороны.

Катрин шмыгнула носом, не поднимая глаз:

— А почему тогда никто не замечает, что я в первый класс хожу? Что я уже большая?

— Мы замечаем, — серьёзно ответил папа. — Просто сейчас у нас руки заняты Луи, а глаза будто не успевают за всем сразу. Но сердцето помнит. Ты наша большая девочка. И то, что ты стараешься быть тихой, чтобы не мешать, и то, что помогаешь, и даже то, что тебе сейчас обидно, — всё это мы видим. Просто не всегда успеваем сказать.

Он подождал, пока она поднимет глаза, и улыбнулся:

— Хочешь, прямо сейчас мы с тобой сделаем кое-что только для тебя? Без Луи, без спешки. Можем на велосипеде прокатиться — я рядом пойду. Или можем просто сесть, и ты расскажешь мне про школу, про каждую букву, которую сегодня выучила. Что тебе хочется?

Катрин помолчала, а потом тихо сказала:

— Давай про буквы. А потом... можно я тебе покажу, как я теперь сама кручу педали, без твоей руки?

Папа кивнул, будто это было самое важное дело на свете:

— Конечно. Я буду рядом.

Они вышли во двор. Катрин села на велосипед, крепко сжала руль, посмотрела вперёд — и поехала. Папа шёл рядом, не хватая седло, просто шагал в такт и время от времени говорил:

— Хорошо. Держишь ровно. Ты молодец.

А в окне, прижавшись носом к стеклу, стояла мама и держала на руках Луи. Она не могла сейчас выйти, не могла пойти с ними, но смотрела и кивала, будто тоже говорила: «Я вижу. Я горжусь».

И Катрин вдруг почувствовала: её не забыли. Просто в этом новом доме всем нужно чуть больше времени, чтобы научиться быть счастливыми сразу на троих.

Глава 6. День, когда всё пошло наперекосяк

На следующий день всё будто сговорилось, чтобы проверить Катрин на прочность.

Утро началось с того, что она никак не могла застегнуть пуговицу на школьной форме — та упрямо выскальзывала из пальцев, будто нарочно. Потом она уронила портфель, и из него высыпались карандаши, а один, самый любимый, с зайчиком на боку, покатился прямо под шкаф — туда, куда Катрин никак не могла дотянуться.

— Ну вот, — прошептала она, присев на корточки и чувствуя, как к горлу подступает комок. — Всё не так.

В этот момент из комнаты донёсся плач Луи. Обычный, привычный, но сегодня он прозвучал особенно громко, будто подчёркивал: «Сегодня не твой день».

Мама выскочила из комнаты, на ходу поправляя фартук, схватила Луи на руки и принялась его укачивать, тихо приговаривая:

— Тише, тише, мой хороший... Сейчас всё будет хорошо.

Катрин стояла в коридоре с этим упрямым портфелем в руках и вдруг почувствовала себя совсем лишней. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то сейчас подошёл и сказал: «Давай я помогу тебе с пуговицей», но все силы дома были брошены на Луи.

Папа, как назло, уже ушёл на работу — ему надо было починить забор у соседей, и он ушёл ещё до рассвета.

— Мам, — тихо позвала Катрин, — я не могу пуговицу...

Мама на секунду замерла, прижимая к себе Луи, и бросила быстрый взгляд на Катрин:

— Прости, солнышко, сейчас никак... Он никак не успокаивается. Ты постарайся сама, ладно? Или надень пока свитер сверху, если не получается.

«Постарайся сама». Эти слова прозвучали не зло, не грубо — просто устало. Но Катрин они обожгли.

Она схватила свитер, натянула его поверх формы, схватила портфель и, не оглядываясь, выскользнула за дверь. На улице было свежо, пахло мокрой травой — вчера прошёл дождь, и земля ещё хранила эту сырость. Катрин шла к школе, сжимая лямки портфеля так, что пальцы побелели.

По дороге она чуть не столкнулась с соседским мальчишкой Витей, который вечно дразнился:

— Эй, ты чего в свитере? Лето же!

Катрин хотела ответить что-то колкое, но слова застряли, и она просто прошла мимо, опустив голову.

В школе учительница, заметив её помятый вид, ласково спросила:

— Катрин, ты в порядке?

И тут Катрин поняла, что если сейчас скажет «да», то просто лопнет от того, что внутри. Поэтому она тихо, почти шёпотом, ответила:

— Нет. Дома всё плохо. Луи плачет, мама устала, а я не могу даже пуговицу застегнуть...

Учительница не стала смеяться, не стала говорить «нука не выдумывай». Она просто присела рядом на корточки — так, как папа делал дома, — и сказала:

— Знаешь, иногда бывает так тяжело, что даже пуговица кажется врагом. Это нормально. Хочешь, я тебе помогу её застегнуть? Или можем просто посидеть минутку, пока звонок не прозвенел. Что тебе сейчас больше хочется?

Катрин вдруг почувствовала, как напряжение, которое сжимало её с самого утра, чуть-чуть отступило.

— Давай просто посидим, — прошептала она. — А пуговицу я потом... сама.

Они посидели так несколько минут, пока школьный двор наполнялся голосами ребят. И когда Катрин наконец встала, плечи у неё были уже не такими напряжёнными.

После уроков она шла домой не спеша. В голове крутились слова учительницы: «Иногда просто нужно, чтобы кто-то посидел рядом». И Катрин вдруг подумала, что, может, маме сейчас тоже нужно, чтобы кто-то просто посидел рядом. Не помогал, не советовал, а просто был.

Когда она вошла в дом, Луи снова плакал, но уже не так отчаянно — скорее обиженно, будто устал от собственного крика. Мама сидела на стуле, закрыв глаза на секунду, и выглядела такой уставшей, что у Катрин сердце сжалось.

Не говоря ни слова, Катрин подошла, поставила портфель у двери, села на пол рядом с маминими ногами и тихо сказала:

— Мам, можно я просто посижу тут? Не буду мешать, не буду ничего просить... Просто посижу.

Мама открыла глаза, посмотрела на неё, и в её взгляде мелькнуло что-то такое тёплое и благодарное, что Катрин сразу поняла — она сделала что-то очень правильное.

— Можно, — тихо сказала мама и протянула руку, чтобы погладить Катрин по волосам. — Посиди. Мне так спокойнее, когда ты рядом.

Луи, будто почувствовав эту тишину, перестал плакать и только шмыгнул носом. Катрин осторожно протянула ему пальчик, и он тут же крепко обхватил его своей крошечной ручкой.

И в этот момент Катрин поняла: она не должна быть ни сильнее, ни тише, ни идеальнее. Достаточно просто быть рядом. Так же, как учительница посидела с ней, так же, как папа шёл рядом, пока она училась крутить педали. Иногда этого хватает, чтобы день перестал быть плохим.

Глава 7. Когда всё вдруг стало по-другому

Казалось, лето пролетело одним длинным солнечным днём: то ли из-за того, что Катрин теперь столько всего успевала, то ли из-за того, что дом наконец-то научился жить в новом ритме. А может, просто время ускорилося, когда в нём стало столько важных дел.

Катрин закончила четвёртый класс и теперь гордо носила звание пятиклассницы. В рюкзаке у неё лежали не только тетради, но и тонкая книжка со стихами — её тайная гордость: учительница сказала, что у Катрин «чувствуется интонация», и девочка теперь всё время прислушивалась к словам, будто проверяла, какие из них звенят, а какие шепчут.

А Луи, её когда-то крошечный братик, теперь уже не лежал в кроватке, а носился по двору, размахивая игрушечной лопаткой и крича: «Я сам!» В этом году он впервые пошёл в детский сад. И вот это «я сам» звучало теперь из каждого угла.

В то утро всё было особенным — даже воздух казался чуть более торжественным. Луи стоял у зеркала в коридоре, пытаясь застегнуть липучку на сандалии, и хмурил брови так же, как папа, когда тот чинил велосипед.

— Не получается! — буркнул он, дёргая липучку.

Катрин присела рядом, не спеша, чтобы не обидеть его своей взрослостью.

— Давай не застёгивать, а приглаживать. Смотри: вот сюда, плотно, чтобы крепко держалось. Ты почти сам.

Луи фыркнул, но послушно повторил.

— Сам! — заявил он, когда сандалия наконец села как надо.

Мама стояла в дверях с пакетом, в котором лежали бутерброд и яблоко для Луи, и улыбалась.

— Ну, герои, готовы?

Катрин кивнула, поправила лямки рюкзака. Ей хотелось выглядеть повзрослому собранной, но внутри всё равно порхали бабочки: пятый класс — это ведь почти как в старшей школе.

— Мам, я сама его до сада доведу, — вдруг сказала Катрин. — Ну, почти сама. Только до угла, а там воспитательница встретит.

Мама на секунду замерла, будто прислушиваясь к этим словам. Потом подошла, поправила Катрин воротник и тихо сказала:

— Спасибо, моя большая девочка. Я тут, рядом, но... да, пусть это будет твой маршрут.

И они пошли. Луи то бежал вперёд, то вдруг останавливался, чтобы рассмотреть жука, то хватал Катрин за руку: «Смотри, смотри!» А она не торопилась. Наоборот, ей нравилось, что он

тянет её к этим маленьким чудесам: клбстящей крышке от бутылки, к тени от дерева, похожей на дракона.

— Знаешь, — сказала она, когда они дошли до калитки детского сада, — ты теперь тоже учишься. Не буквы, конечно, а всему остальному: дружить, делиться, не плакать, если кто-то забрал лопатку. Но можно немножко поплакать, если очень обидно.

Луи поднял на неё глаза, в которых ещё жила детская серьёзность.

— А ты? Ты чему учишься?

Катрин улыбнулась.

— Я учусь быть не только старшей, но и просто твоей сестрой. Чтобы ты знал: если вдруг станет страшно или грустно — я приду. Даже если я буду в пятом классе и у меня будут свои дела.

Воспитательница вышла навстречу, поздоровалась, взяла Луи за руку. Он не сразу отпустил Катрин, на секунду цепился в её пальцы, а потом всё-таки шагнул вперёд.

— Пока! — крикнул он уже из дверей. — Я сам!

Катрин помахала, подождала, пока он скроется в коридоре, и только потом повернулась к дороге в школу. И вдруг поняла: сегодня она идёт не просто в пятый класс. Она идёт по дороге, на которой теперь есть и её маленький маршрут, и её маленькая ответственность, и её тихое, но очень важное место в этом мире.

По пути она думала о том, что вырасти — это не значит перестать радоваться жукам или бояться контрольных. Это значит замечать, как много ты можешь дать другим: поддержку, терпение, простое «я тут».

Когда она вошла в класс, учительница улыбнулась и сказала:

— Ну что, пятиклассники, начинаем новую главу.

Катрин села за свою парту, достала тетрадь и подумала: «Да. Начинаем».

Глава 8. Одна фраза, которая всё изменила

Пятый класс оказался не просто «старшим» — он был другим. В нём всё будто стало острее: и смех, и тишина, и чужие взгляды. Катрин быстро поняла, что в новой школе недостаточно просто быть тихой и старательной. Иногда хватало одной крсой ухмылки, одного шёпота за спиной, чтобы весь день казался серым.

Сначала это были мелочи. Кто-то хихикнул, когда она поправила волосы. Кто-то протянул: «Ой, какая ты... аккуратная», и это слово прозвучало не как похвала, а как насмешка. Потом начались прозвища — не злые, но липкие, как осенняя грязь, от которой не оттереть подошву. Катрин старалась не замечать, опускала глаза, сжимала лямки рюкзака и повторяла про себя: «Это не про меня. Это просто они так шутят».

Но шутки не становились добрее. На физкультуре, когда все разбивались на команды, её оставляли последней. На переменах кто-то нарочно задевал плечом, будто проверяя, выдержит ли она. И каждый раз, возвращаясь домой, Катрин глотала ком в горле и думала: «Если я расскажу маме, она пойдёт в школу, будет говорить с учительницей, а потом все скажут, что я ябеда. А я не ябеда. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое».

Дома она улыбалась, помогала маме накрывать на стол, рассказывала Луи про школу — но только про хорошее: про новую тему по математике, про то, как учительница похвалила её сочинение. А про шёпот в коридоре и смешки у шкафчиков молчала. Ей казалось, что если она не произнесёт эти слова вслух, они перестанут быть настоящими.

Однажды, когда после очередной перемены Катрин стояла у окна в пустом коридоре и смотрела, как дождь стекает по стеклу, она вдруг заметила в классе одну девочку. Ту самую, высокую, со светлорусыми волосами, собранными в небрежный хвост. Она не смеялась вместе со всеми, не толкалась в толпе, а сидела за партой, склонившись над книгой, будто весь остальной мир её не касался.

Чтото внутри Катрин щёлкнуло. Не смелость — скорее отчаяние: «Если я сейчас не скажу хоть комунибудь привет, я просто растворюсь в этом шуме».

Она глубоко вдохнула, расправила плечи и вошла в класс. Подошла прямо к той девочке и выпалила, пока голос не дрогнул:

— Привет! Меня зовут Катрин. А тебя как?

Девочка подняла глаза. В них не было ни насмешки, ни равнодушия — просто удивление, смешанное с лёгкой усталостью, будто она сама устала от всей этой школьной суеты.

— Элли, — сказала она, чуть помедлив. — Рада познакомиться.

И вот это «рада» прозвучало так искренне, что Катрин почувствовала, как внутри чтото оттаивает.

— Ты... ты не такая, как все, — тихо призналась Катрин, присаживаясь на соседнюю парту. — Ты не смеёшься.

Элли пожала плечами, но без высокомерия — скорее с пониманием.

— Я просто не люблю, когда комуто делают больно. Даже если это «просто шутки».

Они проговорили до самого звонка — о пустяках, о любимых книжках, о том, что Элли недавно переехала из другого города и всё ещё чувствует себя чужой, но старается не показывать этого. И впервые за много дней Катрин не чувствовала себя одинокой.

После уроков они шли вместе. Элли не торопилась, не убегала вперёд, а подстраивалась под шаг Катрин, будто знала: сегодня ей важно, чтобы рядом кто-то был.

Когда они подошли к калитке, где обычно Катрин прощалась с одноклассниками и шла одна, Элли вдруг сказала:

— Слушай, если вдруг опять кто-то начнёт... ну, ты понимаешь... можешь просто подойти ко мне. Или даже не подходить. Просто встать рядом. Я буду знать, что ты не одна.

Катрин кивнула, боясь, что если заговорит, голос дрогнет.

А дома, когда Луи бросился к ней с криком: «Ты пришла!», а мама улыбнулась и сказала: «Рассказывай, как день?», Катрин вдруг поняла, что сегодня ей не нужно ничего прятать. Она всё ещё не была готова рассказать про насмешки — но теперь у неё была Элли. И этого было достаточно, чтобы день перестал быть серым.

Вечером, укладывая Луи, Катрин тихо шепнула ему:

— Знаешь, братик, иногда бывает очень страшно и грустно. Но если рядом есть хоть один человек, который не смеётся, а просто стоит рядом, — становится легче.

Луи сонно моргнул, будто понял, и потянулся к её руке.

Глава 9. Её маленький, но такой важный маршрут

Прошло несколько лет — не так много, чтобы всё забыть, но достаточно, чтобы многое стало другим. Катрин уже не та девочка, что прятала обиду в складках свитера и боялась сказать хоть слово. Теперь она ходила по посёлку увереннее, будто сама дорога знала её шаги и подстраивалась под них.

Мама всё чаще доверяла ей забирать Луи из детского сада. Сначала это было «только если ты не очень занята», потом «если у тебя нет дополнительных», а потом просто: «Катрин, забережь Луи? Я сегодня задержусь». И Катрин кивала, даже если у неё были дела, даже если хотелось просто посидеть с Элли и поболтать про книжки, даже если после трёх часов занятий в кружке по рисованию ноги гудели, а рюкзак казался вдвое тяжелее.

— Конечно, — говорила она, и в этом «конечно» было не только согласие, но и тихая гордость: ей доверяют. Она — та, на кого можно положиться.

В тот день она задержалась на дополнительных: учительница попросила помочь расставить работы для выставки, и Катрин не смогла отказаться. Когда она наконец выскользнула из школьных дверей, солнце уже садилось, окрашивая крыши в тёплый рыжий цвет, а воздух стал прохладнее, будто вечер потихоньку забирал себе день.

Она шла быстро, но не бежала — научилась беречь силы. По дороге повторяла про себя: «Сначала за Луи, потом всё остальное. Сначала главное».

Детский сад встретил её привычным шумом: голоса, смех, скрип калитки, воспитательница, которая уже знала Катрин по имени.

— А, вот и ты! — улыбнулась она. — Луи сегодня был молодцом. Сначала не хотел надевать куртку — говорил, что он «уже большой и не мёрзнет», а потом сам же первым сказал: «Пойду к Катрин, она ждёт».

Катрин улыбнулась, чувствуя, как усталость отступает, будто её смыло этим простым «он меня ждёт».

Луи выбежал, как всегда, — не шагом, не бегом, а какимто особенным, только ему свойственным вихрем: куртка нараспашку, шапка съехала набок, в руке зажата игрушечная машинка.

— Катрин! — закричал он, врзаясь в её колени и тут же обнимая так крепко, будто боялся, что она исчезнет. — Я тебя ждал! Я даже не плакал!

Она присела на корточки, поправила ему шапку, застегнула куртку, хотя он тут же попытался её снова распахнуть:

— Ну, я же большой!

— Ты большой, — спокойно сказала Катрин. — Но большие тоже застёгиваются, когда холодно. Договорились?

Он на секунду задумался, будто взвешивал это «договорились», потом кивнул:

— Ладно. Но только потому, что ты сказала.

Они пошли домой. Луи болтал без умолку: про машинку, про то, что сегодня он «почти победил» в догонялки, про воспитательницу, которая похвалила его рисунок. Катрин слушала, кивала, иногда вставляла тихое «вот это да» или «ты молодец», и ей было хорошо от этого простого ритма: его болтовня, её шаги, их общий путь.

Дома мама ещё не вернулась — на птицефабрике снова была пересменка, и она задерживалась. Папа возился в сарае, но, увидев их, вышел, стёр с рук машинное масло и улыбнулся:

— Ну что, путешественники? Устали?

Луи тут же бросился к нему с рассказом, а Катрин тихо поставила рюкзак, сняла куртку и пошла ставить чайник. Она знала этот порядок наизусть: сначала Луи напоить тёплым молоком, потом самой съесть кусочек хлеба, потом уже садиться за уроки.

Папа подошёл, положил руку ей на плечо — не сильно, просто чтобы она почувствовала, что он рядом.

— Спасибо, что забрала. Ты знаешь, как это для нас важно. Не просто «забрать», а вот так: спокойно, посвоему. Луи с тобой не боится, что его оставят. А ты не боишься брать на себя это «забрать».

Катрин чуть покраснела, но улыбнулась:

— Да ладно... Это же мой брат.

— Вот именно, — тихо сказал папа. — Поэтому и важно.

Вечером, когда Луи уже спал, а мама наконец вернулась, усталая, с красными от напряжения глазами, она села рядом с Катрин за стол, взяла её руку и тихо сказала:

— Прости, что так много на тебя сваливаем. Ты ведь тоже ребёнок.

Катрин покачала головой:

— Я не против. Честно. Мне нравится, что мне доверяют. И Луи... он ведь не просто брат. Он мой. И я хочу, чтобы он знал: я всегда приду. Даже если я устала. Даже если у меня свои дела.

Мама обняла её, крепко, помаминому, так, что на секунду весь мир стал тише.

— Ты у нас выросла в такую хорошую сестру. И в очень хорошего человека.

А ночью, когда дом затих, Катрин лежала и думала, что взрослеть — это не про то, чтобы перестать радоваться мелочам. Это про то, чтобы среди всех своих «надо» и «не успеваю» всё равно находить время для того, кто тебя ждёт. И что, может быть, самое главное её дело сейчас — это просто приходить. Каждый день. Забирать. Слушать про машинки. Застёгивать куртку. И знать, что её ждут.

Глава 10. Комарик и занавес

В театральном кружке Катрин будто становилась другой. Там можно было не прятать эмоции, а наоборот — вытаскивать их наружу: плакать понастоящему, смеяться до слёз, замирать так, что слышно, как бьётся сердце. Руководительница кружка хвалила её: «У тебя талант проживать каждую секунду». И Катрин ловила это чувство — будто она не просто стоит на сцене, а живёт сразу несколько жизней.

Но в обычной жизни не все эмоции хотелось проживать. Особенно те, от которых внутри всё сжимается и хочется спрятаться под парту.

Однажды учительница, стоя у доски с журналом в руках, буднично сказала:

— Завтра всем будут ставить прививки. Не пугайтесь, это быстро.

У Катрин внутри всё оборвалось. Она не боялась боли — она боялась самого этого ощущения: укола, холода спирта, того, как мир на секунду становится серым и далёким. Ей казалось, что если она только встанет в ту очередь, то просто не сможет дышать.

Весь день она пыталась придумать, как избежать этого. Просить маму не пускать? Но мама скажет: «Это нужно, чтобы не болеть». Пропустить школу? Но тогда придётся врать, а врать Катрин не умела — в театре её как раз учили быть честной с чувствами, даже если они неудобные.

Дома она всётаки выговорила, сбиваясь и глотая слова:

— Мам, я не хочу... Я боюсь. Очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.